

Гаев (негромко, как бы декламируя). ...О природа, дивная, ты блестяешь вечным сиянием, прекрасная и равнодушная, ты, которую мы называем матерью, сочетаешь в себе бытие и смерть, ты живишь и разрушаешь...

А.П. Чехов. «Вишневый сад»

Гаев. Леонид Андреевич перестал мечтать. Он знает, что не видать ему при жизни осуществления задуманных в молодости планов. И от этого он начинает больше ценить каждую счастливую минуту.

Марина Влади. «Мой вишневый сад»

текст **Ольга ОРЛОВА** фото **Сергей ПЕТРУХИН**

«За убеждения мне доставалось немало в жизни...»

МАТЬ ЛЮДВИГА ФАДДЕЕВА, ВЕРА НИКОЛАЕВНА, ЖЕНЩИНА С ХАРАКТЕРОМ НЕОБЫЧАЙНОЙ ТВЕРДОСТИ, РЕШИЛА, ЧТО ПЕРВЕНЕЦ БУДЕТ СЫН И ОБЯЗАТЕЛЬНО ДИРИЖЕР. ОДНАКО ПЕРВОЙ РОДИЛА ДОЧЬ, И ОТ ПОТРЯСЕНИЯ СМОГЛА ОПРАВИТЬСЯ НЕ СРАЗУ. КОГДА ВТОРЫМ НА СВЕТ ПОЯВИЛСЯ МАЛЬЧИК, НАЗВАЛИ ЛЮДВИГОМ В ЧЕСТЬ БЕТХОВЕНА, ДУМАЯ, ЧТО ТАКИМ ОБРАЗОМ БУДЕТ ПРЕДРЕШЕНА СУДЬБА. ТАК ОНО И СЛУЧИЛОСЬ. СВОЮ ГАРМОНИЮ СЫН ПРОВЕРИЛ АЛГЕБРОЙ... ЛЮДВИГ ДМИТРИЕВИЧ ФАДДЕЕВ – ОДИН ИЗ ВЕДУЩИХ В МИРЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО КВАНТОВОЙ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ФИЗИКЕ.

К

ак Вам удалось избежать участи стать дирижером?

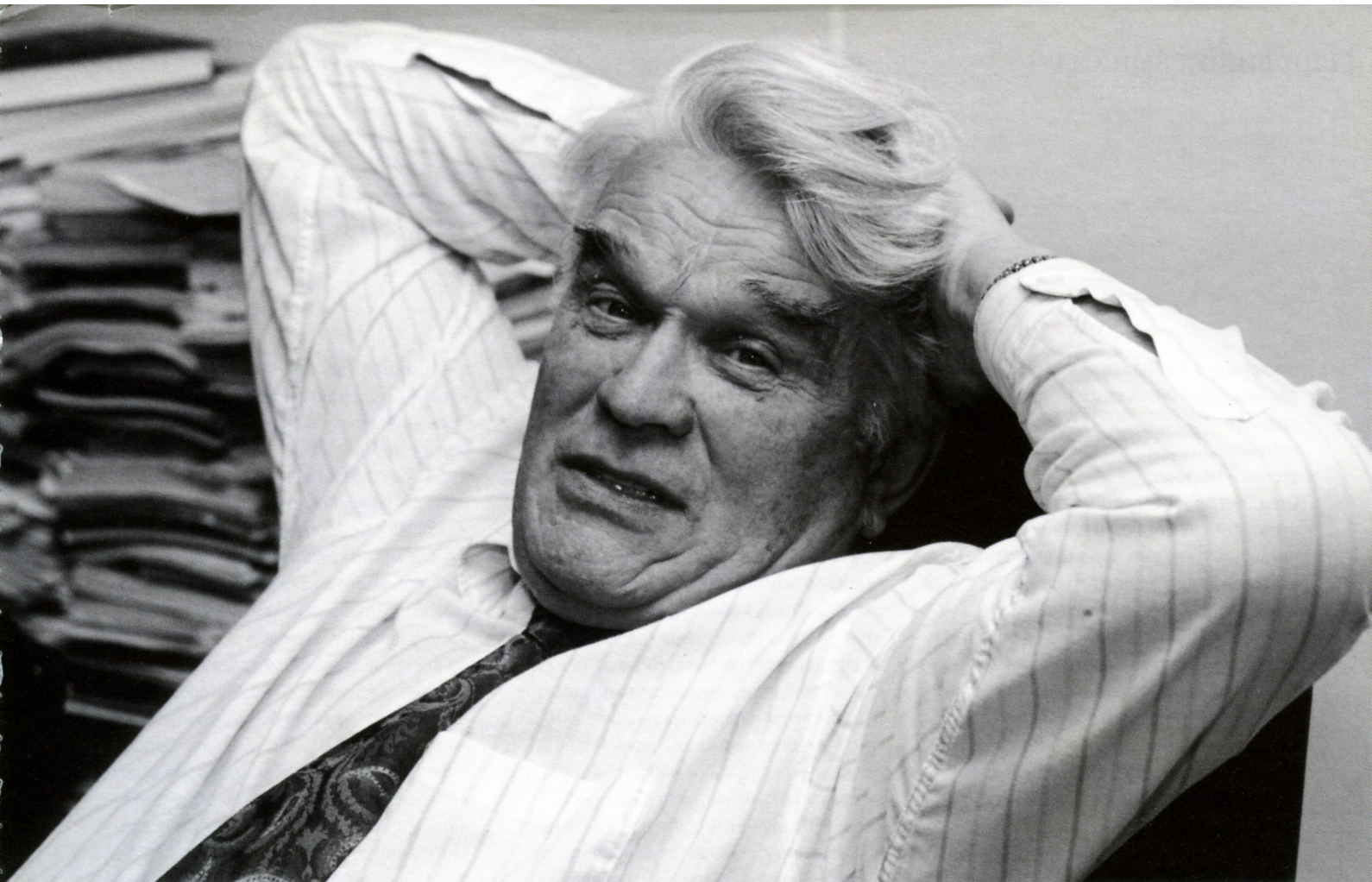
– К семи годам меня уже готовили поступать в музыкальную школу. Занимаясь с учительницей, играл на хорошем инструменте, но началась война, и все разом изменилось. Но, думаю, я был бы хорошим дирижером, потому что по-настоящему люблю и знаю музыку.

Из очерка Марии Евневич, внучки Л.Д.Фаддеева: «Главный восторг у меня в детстве вызывала огромная медвежья шкура на стене. И настоящий черный рояль, под которым я укладывалась спать, когда дедушка играл. Никогда бы не подумала, что математик может испытывать такую лирическую любовь к музыке. Если бы не слышала его игру и не видела посветлевшее и помолодевшее на 20 лет лицо, когда на вручении премии заиграл оркестр.

– Вы – петербуржец, кажется, в третьем поколении? Как Ваши предки пережили революцию?

– Да, мои родители – петербургские математики. Мать, Вера Николаевна, родом из тамбовских фабрикантов Замятинных, ее отец, мой дед, был женат на купеческой дочери Овсянниковой. Мой отец, Дмитрий Константинович, член-корреспондент Академии наук, родился в городе Юхнове Калужской области. Фамилию Фаддеев дал нам другой мой дед, самарский крестьянин, который сумел стать инженером и, будучи студентом, познакомился с моей будущей бабушкой, урожденной дворянкой. Она выучилась медицине, была сторонницей прогрессивных идей, участвовала в студенческих беспорядках. От репрессий ее спасли знатные родственники Гулевичи. Дед с бабушкой приехали в Петербург в 1913 году и купили там квартиру, в которой я родился и вырос.

Потом фабрику отняли, именье сожгли. Но поскольку дед был инженером, то его специальность всегда была востребована, и

он продолжал служить своему делу уже при советской власти. Бабушка так и осталась врачом. А дед по материнской линии стал работать бухгалтером. Дом в Алупке, который принадлежал купцам Замятиным, до сих пор стоит.

– Со скольких лет Вы себя помните?

– Жизнь до войны я помню смутно. В 1939-м году родители первый раз не поехали летом на дачу в Юхнов, так как опасались начала войны. А в 1941-м решили, что опасность уже миновала нас – меня, брата и сестру, и отправили в Юхнов. За три дня до прихода в город немцев мать успела нас забрать и отвезти на север Ярославской области, куда эвакуировали питерские детские сады. С нами осталась наша нянька. А мама последним поездом вернулась к отцу в Ленинград. Вскоре блокада замкнулась, и мы друг о друге ничего не знали в течение полугода. Наш детский сад эвакуировали на Урал, где мы много болели. Учиться начал еще в Ярославской области. Сельская учительница меня невзлюбила, и я сразу стал троечником. Потом приехала эвакуированная из Ленинграда новая учительница, и я стал отличником. Так им и остался.

Мать нашла нас летом 1942-го, когда их с отцом в составе Академии вывезли на

самолете из блокадного Ленинграда в Казань. Из Казани мама приехала лишь на нас посмотреть, но мы налетели на нее, обхватили и сказали, что без нее здесь не останемся. Так мы переехали в Казань и поселились во Дворце труда, где жил и Д.С. Лихачев. Иногда у меня перед глазами стоят картины тех времен. Едем в поезде в эвакуацию, со мной рядом стоит молоденький солдатик, направляющийся то ли с фронта, то ли на фронт, мы смотрим с ним в окно, и я учу его разным песням. Порой даже во сне вижу.

Мои родители сильнее всего повлияли на меня тем, что я мог на них смотреть.

Из воспоминаний Л.Д. Фаддеева «30 лет в математической физике»: «Думаю, что большое влияние на становление меня как ученого оказала разумная доля упорства и нонконформизма. Я не пошел на математический факультет ЛГУ, хотя рос в семье профессиональных математиков. А на физическом факультете, где специализировался на теоретической физике, я оторвался от основной группы сокурсников, начав более углубленно заниматься математикой».

– Традиционно именно научные сообщества считаются носителями прогрессивных общественных идей. Но возни-

кает парадокс. Именно ученые выступают достаточно консервативно по отношению к научной деятельности?

– Есть жизнь, и есть профессиональная деятельность. Это разные области. Хотя, признаться, политиков вообще понять не могу. По моему опыту, большинство из них – это люди, не состоявшие в своей основной профессии. Они все учились чему-нибудь другому. Предыдущий министр обороны был филологом?! Как Вы думаете, может такое не отразиться на жизни страны?

– Вы какими вспоминаете собственные годы учебы?

– У меня всегда было какое-то врожденное чувство ответственности, мешавшее в детстве веселому времяпрепровождению. Приучили, кому много дано, с того больше спрос. Считал, что материал надо знать вперед, тогда учиться будет легче. Много читал. Шекспира прочел лет в двенадцать, поэтому когда в школе дошли до Столетней войны, все события представлял очень живо. Радиоуправляемую модель я пытался сделать тоже лет в двенадцать, так как у меня были специальные книги по физике. Но школу я не очень любил. Особенно тяжело давались сочинения. И потому, поступив в Университет, испытал значительное облегчение. Я в ду-

ше больше алгебраист, чем геометр, и когда нам стали рассказывать, как решать задачи по тригонометрии с помощью аналитической геометрии, почувствовал настоящий восторг.

Отец был профессором математического факультета. Я мог пойти к нему учиться?! Когда вижу, как сын артиста становится артистом, сразу возникают сомнения насчет способностей наследника.

Из очерка Марии Евневич: «В нашей семье 22 человека из последних четырех поколений были студентами Университета. И больше половины закончили мехмат и физфак».

– В академических семьях дети часто переживают по поводу соответствия уровню родителей?

– Нет, у меня подобного не было. Нас у родителей было трое. Но, по-моему, никто насчет авторитета родителей особо не печалился. Хотя, пожалуй, мне повезло больше. Жизнь брата сложилась нелегко, и сейчас его уже нет в живых. С научной карьерой сестры случилась большая неприятность. Занялась химическими исследованиями под руководством выдающегося биофизика, абсолютно доверявшего своим ассистенткам. Но они сообщали только ожидаемые результаты. Когда сестра стала уверять ученого, что помощники ему врут, случился большой скандал. Выгнали из научной группы, уволили с работы. И эта история произвела на нее убийственное впечатление, сыгравшее в судьбе печальную роль. Научный пыл сестры во многом после этого угас. К сожалению, подобные истории нередки в нашем научном мире. Хотя в Америке в этом случае организовали бы целую кампанию, и пострадавшая стала бы героем. Но то было другое время и другая страна...

– Ваша супруга тоже физик?

– Да, экспериментатор. С женой мы учились на одном курсе, хотя входили в разные студенческие компании. Но я знал, что она пользуется успехом на факультете. Как-то большой компанией поехали путешествовать в Крым. Тогда-то все и началось. А через год, в 1956, мы поженились.

Мы принадлежим к людям, считающим свадьбу формальностью. Мои родители долго не были зарегистрированы, а родители моей жены вообще до старости не оформили свои отношения. Такой легкомысленный подход к обряду – не к отношениям! – у нас семейная черта. Помню, как-то моя дочь примеряла платье перед зеркалом и обмолвилась, что идет на свадьбу. Спрашиваем: «На чью?» Ответ: «На мою». Но ни одного развода в моих окрестностях не было. Ни наши родители, ни наши дети... Видимо, это не самый плохой способ строить жизнь. В нашей семье никогда не было соперничества. Когда родились дети, жена была вынуждена оставить научные эксперименты, искренне страдая оттого, что в те времена общество не признавало ценность труда матери и домашней хозяйки. Сейчас многие понимают, что воспитание детей – безусловная ценность. Потом моя жена вернулась в науку, защитила кандидатскую диссертацию.

– Есть расхожее мнение, что ученый в бизнесе или политике – неудавшийся ученый, а женщина в науке – это неудавшаяся женщина?

– Нет, это штамп. Меня всю жизнь окружали женщины-ученые. Моя мать, кому в сентябре 2006 года исполнилось бы сто лет, была научным сотрудником в Математическом институте, где занималась прикладными расчетами для атомной бомбы. Одной из первых в стране она стала применять метод распараллеливания программ. В подчинении у нее трудились на электрических машинах сорок девочек. Мать моей жены, физик Елизавета Николаевна Юстова, до сих пор пишет научные труды в области колориметрии, науке о цветах. Она единственный русский физик, кто упомянут в самом популярном учебнике Фейнмана. У меня есть сильная ученица Ирина Арефьева, работающая в Москве в Математическом институте имени Стеклова.

А главное, что я и сам ученик женщины – академика Ольги Александровны Ладыженской. В Ленинградском университете возникла уникальная ситуация, там впервые создали кафедру математики на фи-

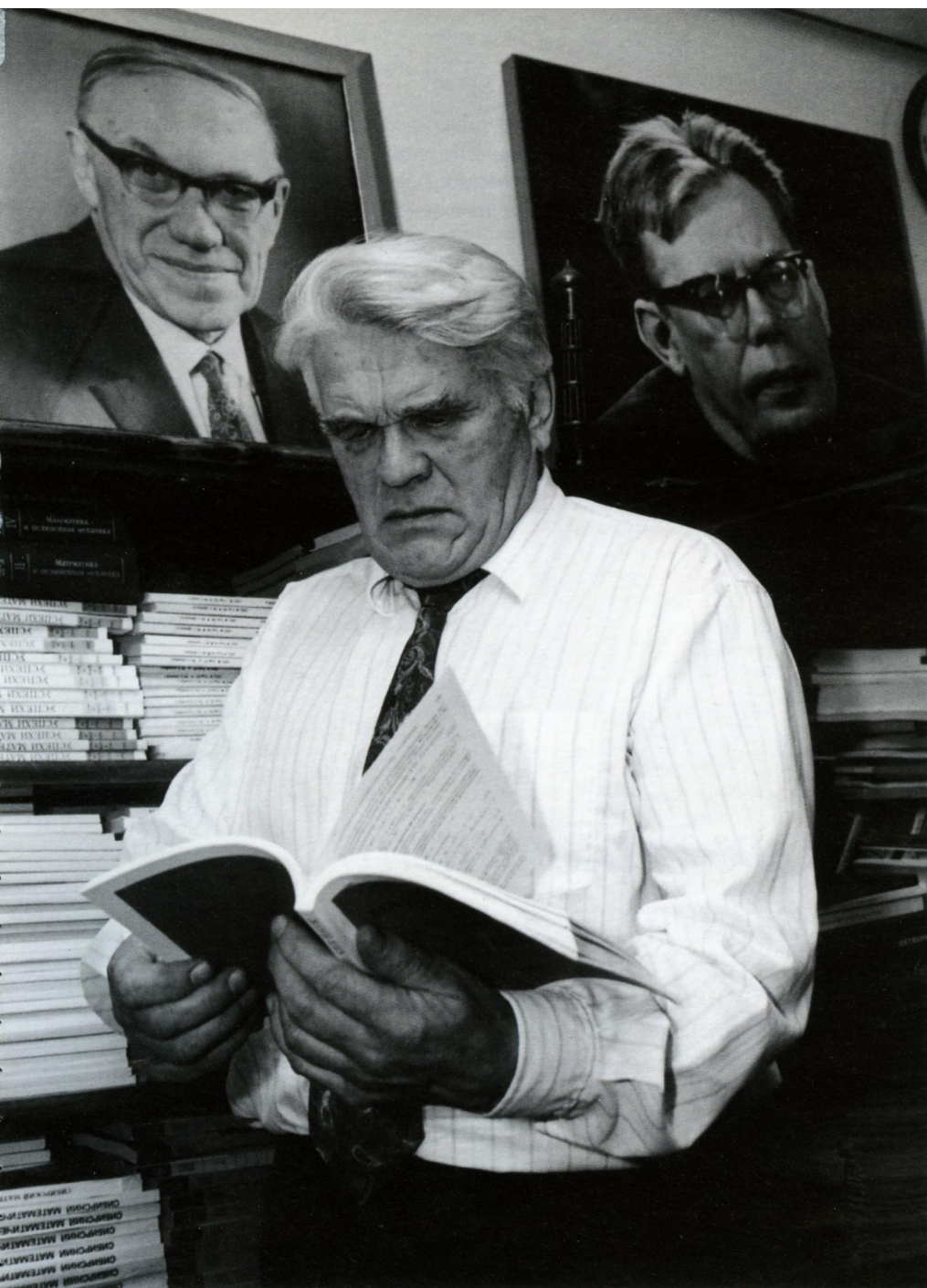
зическом факультете. Обычно было принято, чтобы физические факультеты во всех университетах нанимали профессоров с математических факультетов. В 1951 году Ольга Ладыженская, совсем молодая женщина, стала профессором. Защищая у нее диплом, я попал в первый выпуск математиков на физическом факультете. Ладыженская меня учила не тому, как доказать, а почему надо доказывать ту или иную задачу.

Из воспоминаний Л.Д. Фаддеева «30 лет в математической физике»: «Интересно, что собственные занятия О.А. Ладыженской не были близки к моей тематике. Однако именно она сделала этот выбор для моего образования. Интуиция научного руководителя играет важную роль для становления ученика. Я навсегда благодарен О.А. за данное мне направление в самостоятельную научную жизнь».

– Вообще я сторонник индивидуального подхода в оценке научного труда. Настаиваю, что единственный способ – это смотреть на конкретное достижение. Это не объяснить ни одному чиновнику. Нам твердят, что нужно оценивать по тому, где ученые публикуются, сколько их цитируют. Пытаюсь объяснить, что это ничего не дает, что лучший способ оценить труд в науке – это доверить оценку научному сообществу. Мне возражают, что сообщество необъективно. Но лучше все равно ничего нет. Это как демократия, которая хоть и плоха, но лучше ничего не придумали.

– Сейчас повсюду слышны предсказания об умирании российской науки...

– Живое выживет. Главное – не разрушать. В 1930-е годы в Ленинграде Йоффе считал, что ядерная физика не интересна, и потому не нужно на ней сосредотачиваться. И если бы не нашлись молодые ученые, которые отстаивали это направление, то неизвестно, как бы выглядела современная карта мира. Если Россия хочет быть независимой, то обязана иметь специалистов по всем научным направлениям. Когда я был директором в ленинградском отделении института Стеклова и имел возможность брать на работу лучших студентов из Университе-

**Фаддеев
Людвиг Дмитриевич**

Родился в 1934 году.
1956 – выпускник физического факультета Ленинградского университета.
1959 – научный сотрудник, директор отделения математического института имени Стеклова РАН (Санкт-Петербург). Почетный член Национальной академии наук США, академий Финляндии, Польши, Швеции, Франции, Бразилии, Европейской академии наук.
1986 – председатель Международного математического союза.
1993 – директор Международного математического института имени Л. Эйлера.
Лауреат Государственной премии СССР (1971), Государственных премий РФ (1995 и 2005), Демидовской премии (2002), премии Анри Пуанкаре (2006), обладатель медали и премии Дирака (1991).
Академик-секретарь математического отделения Российской академии наук.
Доктор физико-математических наук.

ве это не ведет математику к неизбежному кризису?

– У меня складывается противоположное мнение. Я заметил, что разные специалисты – алгебраисты, математические логики, специалисты по теории чисел – сейчас решают фактически одни и те же задачи. И в этом смысле математика становится более универсальной. А о роли этой науки в решении физических или биологических задач и говорить не приходится, в развитии естественных наук она во многом загадочна. Но я уверен, что со временем все хорошие теории оказываются полезными.

Из очерка Марии Евневич: «Его научные достижения неуклонно делали свое дело. Сейчас он один из самых уважаемых русских ученых за рубежом, но путь к этому был долгим. В Штатах известность ученого в обществе проверяется через Интернет, по поисковым системам. Главная международная система выдает на труды академика Фаддеева больше 10 тысяч ссылок. Имя Фаддеева есть во всех научных энциклопедиях, а два недавних нобелевских лауреата основывали свои исследования на его работе».

г. Санкт-Петербург

та, у нас можно было найти ответ на любой математический вопрос. Сейчас такого нет. Бюджет нашего института – один миллион долларов. Бюджет обычного футбольного клуба – 50 миллионов долларов. Так что же нашей стране важнее иметь: среднюю футбольную команду, которая даже играть на мировом уровне не может, или передовую математику? Таково отношение не только у нас. В Дании министр науки заявил, что будет поддерживать только ту науку, которую понимает сам. В результате там закрывают институт теоретической физики. С года 1971 был период, когда у меня были потрясающие ученики, но сейчас они разъехались по всему миру...

– В Вашей практике бывало, что ученый, известный сильными работами, оказывался неинтересным человеком?

– Нет, такого не припомню. Из гениев, кого считаю своими учителями, а это – Поль Дирак, Герман Вейль и Ричард Фейман, знал лично только последнего. И он произвел на меня колоссальное впечатление. Феерический был человек. Дирака я видел на расстоянии, он был изолирован от мира, так как ему было явно неинтересно разговаривать с людьми.

– Филдсовский лауреат 2002 года Владимир Воеводский как-то посетовал, что он аспиранту мехмата сегодня не может объяснить суть своей работы, за которую ему дали премию. Раз-